ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ ЗНАНИЯ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВЕРБАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС*

А. В. ВДОВИЧЕНКО

В статье проблема субъективности знания рассматривается в проекции на естественный коммуникативный (прежде всего вербальный) процесс. В новых теоретических условиях прежние формулы «знание языка», «знание знаков», «знание языковой картины мира» теряют объяснительный потенциал ввиду очевидной несамостоятельности автономных знаков (в том числе вербальных), поглощения языка коммуникацией, отсутствия способности языка¹ к смыслообразованию, конечной невербальности мыслимых значений. Более твердым теоретическим основанием для объяснения смыслообразования в вербальном факте становится личное коммуникативное действие, поскольку единственным источником мысли, чувства, ценности и пр. является индивидуальное сознание коммуниканта. Коммуникативная природа смыслообразования позволяет отделить мысль от естественного вербального факта как неакциональное от акционального, а также позволяет с определенностью утверждать, что в процессе вербальной коммуникации порождаются и понимаются многофакторные коммуникативные действия, а не вербальные формулы, которым невозможно приписать автономное значение. На этом фоне дискурс определяется динамически, как осознанная говорящим ситуация коммуникации в каждый из ее моментов. Несмотря на субъективность индивидуального знания, коммуникация представляет собой стремление к тождеству сознаний, в которых локализованы знания, для искомого позитивного взаимодействия. Проблема субъективности индивидуального знания (в отношении к вербальному факту) имеет перспективу решения только в поле коммуникации, а не вербальных данных (языка).

Категория знания интересует лингвистическую науку по мере участия этого понятия в описательной модели, создаваемой (созданной) для концептуализации вербальных данных. Лингвисты по необходимости, то есть по роду своих занятий в области «языка», предлагают свой специфический ракурс: *знание в отношении к вербальному материалу*.

Сразу возникает вопрос: если в результате лингвистических рассуждений окажется, что знание частично невербально или невербально совсем, станет ли знание вследствие этого неинтересным лингвистике? Конечно, нет, поскольку целью языковедческого исследования является не соблюдение искусственных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00560 «Лингвистические практики религиозных сообществ: эллинистический иудаизм, раннее христианство, русскоязычное православие».

¹ Речь идет не о языке как деятельности в смысле Гумбольдта, а о языке как объекте лингвистического знания.

границ, некогда очерченных вербальностью для теоретических упражнений исследователей, а *эффективная и адекватная модель вербального процесса*. Если для ее построения необходимо выйти за пределы прежней схемы и нарушить границы вербального, то в этом и состоит подлинная эволюция любой научной дисциплины (гуманитарной или естественнонаучной, и даже точной), а именно: в переназначении смыслов прежних объектов, в расширении номенклатуры вовлекаемых в схему объектов, создании новых объектов, констатации новых актуальных связей и новой этиологии прежних феноменов, и пр. Экспансионизм современной парадигмы лингвистики (термин Е. С. Кубряковой)², органично вписанный в постструктуральные тенденции и подтвержденный интуициями реальности, обязывает к деконструкции (термин Ж. Дерриды)³ и новой реконструкции или даже созданию совершенно новой постройки на месте старой.

Нужно признать, что список различных спецификаций знания может быть очень обширным: всеобщее, универсальное, национальное, культурно-специфическое, частичное, профессиональное, духовное, мистическое, априорное, недостижимое, бесполезное, а также, соответственно, полное, дилетантское, не-духовное («плотское»), и пр. В то же время лингвистический ракурс позволяет исследователю занять сколько-нибудь определенную исходную позицию и выделить (или хотя бы наметить) специфическую составляющую этих понятий, актуальную для моделирования вербального, а не какого-то иного процесса.

В подтверждение того, что категория знания необходима и неизбежна в номенклатуре способов описания вербальных фактов, я сошлюсь на несколько уже существующих терминов, в разное время и в разных теоретических условиях созданных лингвистами или сочтенных полезными для описания вербального процесса: данные, информация, сознание, память, гештальт⁴, фрейм⁵, презумпция⁶, пресуппозиция⁷; топик⁸, тема⁹, подлежащее, конкретный «язык», языко-

² См.: Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: опыт парадигмального анализа // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 144–238.

³ См.: Derrida J. Positions. P., 1972. P. 44–45.

⁴ См.: Lakoff G. Linguistic gestalts // Papers from the Thirteenth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society, April 14–16, 1977 / Ed. by W. A. Beach, S. E. Fox, S. Philosoph. Chicago, Illinois, 1977. P. 236–287.

⁵ См.: Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. N.Y., 1972; Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. Cambridge, 1974; Fillmore Ch. The need for a frame semantics within linguistics. Statistical Methods in Linguistics. Stockholm, 1976. P. 5–29.

⁶ См.: Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. 1977. № 8.

⁷ См.: Baker A. Presupposition and types of clause // Mind 65, 1956; Lakoff G. Presuppositions and Relative Grammaticality // Studies in Philosophical Linguistics. V. 1. № 1. 1971; Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. М., 1973. Т. XXXII. Вып. 1. С. 84–89; Демьянков В. З. Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. М., 1981. С. 115–132.

⁸ См.: Демьянков В. З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет (Обзор II) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1979. Т. 38. № 4. С. 368–380.

⁹ См.: Firbas J. On defining the theme in functional sentence analysis // Travaux linguistiques de Prague. V. 1. Prague, 1966; Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

вая компетенция¹⁰. В каждом из этих понятий, используемых для объяснения вербального факта, знание заявляет о себе вполне определенно или, по крайней мере, брезжит. Многообразие этих понятий заставляет признать, что знание не интересует лингвистов как таковое. Речь идет о поисках *эффективной описательной модели* вербального факта (подобно стандартной модели «атома» в физике) и некоем условном полувакантном месте в этой модели, занимаемом чем-то, что может быть названо знанием.

Нужно заметить, что, в отличие от лингвистов, сами участники естественной коммуникации не испытывают никаких проблем с тем, чтобы пользоваться словом «знание» и соответственно иметь о нем какое-то понятие. Однако исследователь, создающий или уточняющий теоретическую модель, не может довериться «обыденному языку» и производить исследование включений данного слова по произвольно ограниченному корпусу текстов, поскольку его целью является создание специальной операциональной схемы, вскрывающей и демонстрирующей скрытые основания естественного вербального процесса. Подобным образом исследование контекстов слова «атом» не может быть эффективным для создания или уточнения «стандартной модели».

В общем смысле потребность в знании со стороны лингвистов можно сформулировать так: *чтобы говорить (понимать), нужно что-то знать*.

Проблема субъективности (субъектности) знания

Субъектность знания следует считать *отправной точкой* в попытках определить эту категорию в ее отношении к вербальным фактам. Как любой естественный вербальный материал всегда *кем-то* сказан или написан, так и знание в естественном состоянии неизбежно *кому-то* принадлежит, локализовано в *чьей-то* сознании. Среди положений, на основании которых возможно дальнейшее возведение теории, субъектность знания нужно признать аксиомой, а предикат «субъектное» — бесспорным и неотъемлемым свойством того, что может быть названо знанием.

Поступить так необходимо, поскольку мыслящие (и говорящие) индивиды никогда не тождественны в содержании своих сознаний, а попытки навязать им (или целому сообществу, в каких бы границах его ни мыслить) общезначимое тождественное знание бесперспективны. Это верно как для общего объема знания, присутствующего в каждом индивидуальном сознании, так и для отдельных индивидуально мыслимых понятий, личностей, явлений, процессов, неизбежно обнаруживающих несовпадения в своих объемах среди «обладателей» знания о них.

С точки зрения исследователя вербальных данных, здесь возникает проблема, требующая разрешения. Если для того чтобы говорить, нужно что-то знать, а знания нетождественны в сознаниях говорящих, то *как возможно говорение?* Иными словами, если целевой причиной естественного говорения является смыслообразование, в основании которого лежит то, что мыслит (знает) говоря-

¹⁰ См.: Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1962; Он же. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.

щий, то понимающему (адресату), вследствие отсутствия тождества, сказанное становится заведомо недоступным (доступным лишь отчасти или «по-своему»).

Эту проблему можно сформулировать и более приближенным к вербальным данным способом: если слова, за которыми как будто стоят понятия, нетождественны в сознаниях говорящих, то *как возможно* вербальное общение (общение посредством слов)?

(Так, например, слова [категория], [интересовать], [лингвистический], [наука], [участие], [это], [понятие], [описательный], [модель], [созданный], [концептуализация], [вербальный], [данное] — по своему значению нетождественны, неконкретны и неединообразны в индивидуальных сознаниях «носителей русского языка», например, хотя бы тех, которые представляют далекие друг от друга социальные слои и различаются по специфике образования, интеллектуальных занятий и деятельности, тем более тех, которые не участвуют в данном коммуникативном взаимодействии. Впрочем, даже среди представителей одной общности (профессии) и участников одной ситуации тождество совсем не гарантировано.)

Субъектность (субъективность) знания, таким образом, как будто является непреодолимым препятствием для интересующей лингвистов вербальной коммуникации, если понимать под коммуникацией процесс, построенный на мнимом тождестве индивидуальных знаний. Это и составляет указанную проблему, требующую разрешения.

Знание языка

На этот вызов субъективности (субъектности) можно дать быстрый пессимистичный ответ: понимания (финального тождества знания) в действительности нет и не может быть. Всё и все в последнем основании одиноки и непроницаемы. Субъектность становится непреодолимым препятствием для единства и тождества.

Проблема только усугубляется тем, что краеугольный камень лингвистической теории — антично-соссюровский язык — в современных теоретических условиях не может исполнять свою прежнюю роль фундамента, твердой почвы, поскольку знание субъективно (субъектно), а в языке личность (субъект знания) принципиально отсутствует. Поэтому, например, в языке неконфликтно могут сосуществовать две взаимоисключающие пропозиции [Земля имеет форму шара] и [Земля не имеет формы шара]. В отличие от языка, личное знание такого себе позволить не может (последнее стало теоретически ясно уже Аристотелю, сформулировавшему закон исключенного третьего¹¹, а практически применялось гораздо раньше, с тех пор как человек мыслит).

В самом деле, ссылки на знание языка в попытках объяснить естественную вербальную коммуникацию (а она иногда все же считается участниками успешной) не достигают искомой убедительности и не способствуют формированию эффективной описательной модели. Дело в том, что любой естественный вербальный процесс преследует *смыслообразование* в качестве главной *целевой при-*

¹¹ См.: *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. М., 1976—1983. Метафизика. Т. 1. 1976. С. 141.

чины, вне которой говорящий (пишущий) не станет брать на себя труд что-то сказать или написать. Если за смыслообразование отвечает язык и в нем содержатся все смыслы (значения звуков, морфем, слов, синтаксических конструкций), то именно вследствие этого и окажется, что говорящему просто незачем говорить: в языке уже все есть, и зачем в таком случае еще раз повторять общеизвестное языковое «одно и то же»?

Очевидно, что смыслообразование (то, ради чего вербальный факт порождается) локализуется в иных сферах. Для объяснения естественного вербального факта следует оставить язык грамматистам, а теорию вербального процесса обосновать на *личном коммуникативном действии*, которое и есть то, что на самом деле интересует говорящего/пишущего.

Концепт мыслимого действия, постепенно введенный (и до сих пор продвигаемый) в поле рассуждений о вербальных фактах, начиная с гадательных прозрений Витгенштейна¹², революционных опытов сомнения Остина¹³, более определенных констатаций Серля¹⁴ и пр., влечет за собой для теории языка значимые последствия (или даже тектонические сдвиги), поскольку в результате возникают *новые теоретические условия* существования науки о вербальном процессе¹⁵. Язык как прошлое теории поглощается коммуникацией, как ее вечным настоящим, прежде отодвигаемым в теоретическую тень. Соответственно, *знание языка* в деле объяснения процессов смыслообразования приобретает иной статус и радикально переосмысливается.

Как это происходит?

Идея действия, изначально сформулированная на вербальном материале, радикально меняет расстановку теоретических объектов, вовлеченных в описательную схему, таких как знак, значение, мысль, сознание, понимание и др.

Действие не существует вне деятеля, который оказывается единственным бесспорным источником порождения смысла в вербальных данных (как, впрочем, и в иных семиотических актах, использующих иные коммуникативные каналы). Фактом своего существования деятель ставит точку в рассуждениях о смысле сказанного, обозначая собой предел смыслообразования. Интерпретация естественного вербального материала — в своей первозданной сути — представляет собой восхождение к когнитивному состоянию источника действия. Именно поэтому текст, который сам себя не создавал, не может содержать в себе больше смыслов, чем помышлял автор. Зачастую встречающаяся растерянность интерпретатора перед действием, от которого остался только вербальный след, не ведет к отрицанию автора в пользу мнимо-автономного текста (Р. Барт¹⁶ и др.), но обязывает признать недостаточную способность проникнуть в индивидуальные «чертоги смыслопорождения».

¹² См.: Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М., 1994. Ч. 2.

¹³ См.: Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. В. П. Руднева. М., 1999. С. 15–138.

¹⁴ См.: Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 151–169.

¹⁵ Подробнее см.: Вдовиченко А. В. Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2008.

¹⁶ См.: Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.

При этом мысль и вербальное действие естественным образом не совпадают, как не совпадают процесс открывания двери ключом (действие) и внутреннее рассуждение о необходимости открыть дверь ключом (мысль). Смысл сказанного не имеет прямой («прямоточной») связи с мыслью — гораздо более объемным и комплексным процессом, чем следующее за ним коммуникативное влияние (для иллюстрации этого достаточно представить случай лжи, где воздействие и мысль особо рельефно не совпадают). Мысль не акциональна, в отличие от действия. В момент говорения (письма) размышление говорящего состоит в том, чтобы осуществить нужные говорящему (пишущему) изменения в сознании адресата.

Иными словами, *смыслообразование* в естественном вербальном процессе — *исключительно коммуникативный феномен*, который возникает только в процессе акционального («перформативного», «совершительного», действительного) выхода за пределы сознания в коммуникативное пространство.

Здесь, на ясно очерченной границе между внутренней мыслью и коммуникативным по природе смыслообразованием, становится заметным *различие между естественным и неестественным* (сконструированным, подмененным, искусственным) вербальным материалом. Так, примером искусственного материала может служить высказывание [Куда ты идешь?], взятое вне конкретной коммуникативной синтагмы (данной коммуникативной ситуации и ее момента). В этой вербальной последовательности нет смыслообразования, которое возникает в момент интеракции говорящего и адресата. В естественных условиях этот материал входит в состав многофакторной системы координат, констатированных говорящим для совершения конкретного действия, и только в этой системе параметров данный вербальный комплекс приобретает актуальность, ради которой и был произнесен. Только в этой системе вербальный комплекс становится тождественно интерпретируемым, имеющим подлинный смысл и значение (замечу даже, что тот же самый комплекс, в зависимости от ситуации, может быть грамматически правильным или неправильным).

Подобным же образом вербальная часть уже существующего («отыгранного») коммуникативного действия, изъятая из актуальных условий его совершения, лишается своих подлинных свойств, главное из которых — способность к смыслообразованию. Естественное высказывание, которое уже было произнесено и понято в актуальных условиях, будучи изъятым из этих актуальных условий, перестает быть смыслообразующим: «Мне очень дорого, что в выступлениях коллег (вчера и сегодня) были в различной мере затронуты идеи, которые и я считаю важными».

Здесь ни одно из актуальных для говорящего значений не содержится в вербальной форме. Чтобы «означить» пустые формы, говорящему и слушающему необходимы конкретно мыслимые параметры, не присутствующие в самой вербальной форме: не ясно, «кому дорого», «какие выступления», «кто коллеги», по отношению к чему «вчера» и «сегодня» и пр.

Поэтому интерпретация смысла сказанного по необходимости представляет собой восхождение к когнитивному состоянию того, кто произвел данное действие в данной многофакторной ситуации. И только такие вербальные дан-

ные — коммуникативные и акциональные — могут считаться естественными, обладающими полнотой реальности.

На фоне этих естественных условий существования вербального факта следует констатировать три важных следствия для наук, интерпретирующих вербальные данные.

Во-первых, единицы вербального процесса сами по себе *нетождественны*, их невозможно изучать как элементы со своими валентностями. Они не существуют вне действия данного говорящего, который предоставляет им возможность принимать участие в смыслообразовании на его, говорящего, условиях.

Во-вторых, антично-соссюрровский язык (система смыслопорождающего говорения) *теряет свою теоретическую эффективность как метафора*. В новых условиях (когда личное действие становится главным объектом интерпретации и порождение смысла в вербальном факте локализуется в индивидуально приуроченной коммуникативной процедуре) это понятие становится непригодным для моделирования естественного вербального процесса, суть которого — исполнение личной коммуникативной задачи, коммуникативное смыслопорождение. В языке как таковом нет деятеля, нет адресата, нет тождественной закреплённой между означающим и означаемым связи (означаемого в принципе не может быть вне индивидуального сознания, поскольку означаемое представляет собой не денотат «вещь в себе», а некий образ, понятие, представление, локализованные в сознании). Источником мысли, эмоции, чувства является только индивидуальное сознание. Объекты не формируются независимо от сознания, связи (причинно-следственные, пространственные, временные и пр.) не строятся сами собой. Причинность представляет собой довольно произвольное соположение двух выделенных (интересующих говорящего) объектов (явлений). Всего этого язык не может производить сам, он принципиально на это не способен. В нем с полной очевидностью отсутствует мысль и все прочее, имеющее отношение к смыслопорождению, поскольку в нем принципиально нет мыслящей личности, которая является источником любого смыслообразования. Возможно, где-то в иных сферах диспозиция иная, но в естественном вербальном процессе безраздельно господствует номинализм, релятивизм, относительность, субъективность, отсутствие истинности и пр.

И, наконец, в-третьих, следует констатировать, что *говорящие (пишущие) порождают и понимают актуальные коммуникативные действия*, а не вербальные формулы (элементы структуры языка). Источником нетождественности и изменчивости вербальных клише как раз и является то обстоятельство, что коммуникант, производящий коммуникативное смыслообразование, сосредоточен на действии, а не на соблюдении единообразных правил употребления слов. Правила и коммуникативное смыслообразование в некотором смысле антагонистичны: коммуниканту необходимо добиться изменений в сознании адресата, внести что-то новое в коммуникативное пространство, а язык, существующий по правилам, «всегда говорит нам одно и то же», как всерьёз утверждал Витгенштейн¹⁷. В действительности «одно и то же» в принципе не интересует комму-

¹⁷ Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М., 1994. Ч. 2.

никанта, который берет на себя труд что-то сказать (написать): зачем в таком случае говорить, если в результате удастся лишь произнести то, что уже сказано много раз кем-то и где-то, в том числе им самим? Чтобы продемонстрировать знание правил? Безусловно, нет. В реальности говорящий говорит не языком («одно и то же»), а добивается изменений в мыслимом коммуникативном пространстве. «Одни и те же слова» в новых условиях входят в состав нового действия, актуального для говорящего и по мере того нужного и интересного для него. Он как бы строит здание из подручных средств, он занят постройкой, а не строительными блоками, каждый из которых может стать частью арки, пола, потолка, стены, в зависимости от замысла строителя. Осуществляемый им процесс семиозиса настолько многофакторный, что «правила употребления слов» («язык») просто растворяются в коммуникативном синтаксисе. Коммуникант пускает в ход все, что ему доступно: известные ему и адресату вербальные клише, визуальные образы, таблицы и схемы, модуляции голоса, выражение лица, невербальные знаки, неожиданные фреймы, сдвиги смыслов, вновь созданные объекты, измененные формы слов, новые фокусировки, шрифтовые выделения, «разноязычные» вербальные формулы, ритм, рифму, игру слов и прочее и прочее, лишь бы искомое воздействие было произведено.

В этих условиях теоретический конструкт «язык» уже не может сохранять прежний статус автономного «средства общения», поскольку общение осуществляется не словами «языка», а комплексными коммуникативными действиями. Соответственно, любая исследовательская процедура, которая ранее пыталась опереться на правила работы «словесного механизма», вместе с прежним статусом языка мутирует в новое состояние.

В возникшей ситуации турбулентности (резко возросшей комплексности объекта, несамотождественности элементов, поглощения вербального материала и самого языка коммуникацией) более основательную почву для дисциплин, интерпретирующих вербальный текст, предоставляет *дискурс* — одна из главных методологических констант современных гуманитарных дисциплин. Ввиду ясно обозначенного источника смыслообразования в вербальном (и не вербальном) коммуникативном действии дискурс можно определить как осознанную говорящим ситуацию коммуникации в каждый из ее моментов. Понимание сказанного (написанного) возможно только как возвращение в исходную точку смыслопорождения, приобщение к когнитивному состоянию деятеля-говорящего (на основе всех имеющихся у интерпретатора возможностей), что достигается путем анализа параметров мыслимого говорящим коммуникативного пространства и его, говорящего, участия в производимых изменениях.

Если дискурс понимать неакционально, то он как понятийный инструмент становится статичным коррелятом сосюрковского языка. Так, в лингвистических трудах часто встречаются указания на поэтический, философский, литературный и другие дискурсы, как при неакциональном (статическом) понимании языка («системы-механизма») часто возникают заведомо не определяемые в своих очертаниях поэтический, философский, литературный и другие «языки». И в том, и в другом случае теория, соглашаясь на неэффективную дефиницию, сразу понуждается к тому, чтобы приступить к девальвации собственного потен-

циала, например сразу вводить исключения из правил, очерченных неэффективным инструментарием. Такой дискурс получает автономное существование, подобно языку, которому придается статус автономного объекта. Такой дискурс терпит синонимию «литературный дискурс — литературный язык», «поэтический дискурс — поэзия» и пр. И, наоборот, не терпит синонимии «дискурс — коммуникативное событие». Такой дискурс операционально неэффективен, как неэффективен язык для объяснения процессов смыслообразования в естественном вербальном факте. Если естественный вербальный факт представляет собой действие, процесс, то теоретическая рамка для него должна иметь свойства, пригодные для моделирования процесса.

Динамическое понимание дискурса, вытекающее из акциональности естественного вербального факта, указывает на мыслимые условия совершения отдельно взятого коммуникативного действия. Ввиду постоянно меняющихся условий коммуникации (в том числе вследствие уже совершенных в последовательности действий, вовлечения новых, известных автору, фреймов, исключения потенциально релевантных фреймов, вовлечения новых мыслимых объектов, и пр. и пр.) дискурс представляет собой подвижную систему координат, в которой всякий раз заново интерпретируется новое действие (в том числе произведенное с участием вербального канала). С этой точки зрения дискурс не может быть единым для всей области литературы или философии, или поэзии, или обыденного общения и др., поскольку «семиотические поступки» могут менять область своей помысленной говорящим прописки на минимальном пространстве. Обрамляющая их ситуация в своих осознаваемых коммуникантом параметрах подвижна и изменчива от действия к действию, и даже от момента к моменту одного и того же действия. Дискурс для операциональной эффективности должен быть лишен качеств, в том числе литературности, философичности, поэтичности, обыденности, и пр.

Таким образом, на фоне нового комплексного объекта (коммуникативное действие), который своим появлением несколько проясняет причину несамостоятельности элементов «языка», а также обнаруживает неэффективность самой метафоры «язык» для объяснения процессов смыслообразования в естественном вербальном факте, формула «знание языка», по-видимому, не может удовлетворить современного исследователя, размышляющего о том, что нужно знать говорящему (пишущему), чтобы говорить (писать).

Знание вербальных знаков

Упомянутая *несамостоятельность* элементов языка все же нуждается в дополнительной аргументации, хотя бы потому, что рассуждения о естественном вербальном факте часто опираются на формально единообразные фонетические (и графические) комплексы, называемые знаками. По умолчанию они *обладают тождеством* в тех вариантах описательной модели, где постулируется язык как система смысло-формальных элементов. Знак, признанный единством формы и содержания, традиционно замыкает на себе и исчерпывает собой проблему знания («то, что известно говорящему (пишущему)»). Так, некогда античным

стоикам представлялось достаточным обнаружить подлинные значения слов и букв (звуков) для познания мирового Логоса, который с ними сливается и из них состоит.

Между тем проблема знаковости (наличие/отсутствие воспринимаемого тождества) получает перспективу решения только в связи с упомянутым коммуникативным смыслообразованием, упирается в коммуникативный (а не языковой) процесс.

Попытки вычленения единиц, которые было бы уместно мыслить в качестве обособленных слагаемых какой-то общей суммы (явления, предмета, вещества), часто оправдываются надеждой обнаружить присущие этим единицам свойства, которые задают собой составленное из них целое. Так, парк оказывается состоящим из лиственных деревьев, каждое из которых является источником кислорода для города, и чем больше в парке этих продуцирующих кислород единиц, тем лучше дышится горожанам.

Однако сам объект, подвергаемый ан-атомизации, а также элементарные единицы, обнаруживаемые в его составе, не вызывают сомнений лишь до тех пор, пока рефлексия не коснулась самой процедуры выделения объекта, критериев выделения составляющих его единиц, а также целеполагания самой процедуры деления на элементы. Даже не задаваясь неразрешимым вопросом, что такое парк, само это «подлежащее» можно разбить не только на деревья, но и на совсем другие «атомы»: квадратные метры, гектары, футы, сектора, крылья, зоны, полезные площади, человекометры и пр. В зависимости от того, считает ли аналитик парк геометрической областью или зеленым массивом, а также в зависимости от целей дробления, выделяемые «атомы» принимают форму, которая стремится быть оптимальной для решения задач, поставленных практиком и/или теоретиком. Ясно, что процесс приспособления единиц к объектам и объектов к единицам носит утилитарный характер. Из каких «атомов» состоит парк, невозможно определить до тех пор, пока кем-то и для чего-то не назначена цель деления.

Соответственно, расчет на то, что сами элементы (единицы) сообщают что-то об объекте аналитической процедуры, пожалуй, обнаруживает неправильную методологическую установку. Скорее, следует говорить о том, какие единицы будут более удобными для решения поставленных задач и, собственно, как решать эти задачи с использованием назначенных единиц. Так, парк может вовсе оставаться «монадой», не состоящей из единиц, до тех пор пока не потребуются, скажем, установить площадь, занимаемую этим объектом. Для исполнения этой задачи будут привлечены квадратные метры в России или квадратные ярды и футы в Великобритании. Онтологический смысл метров явно не следует драматизировать ввиду того, что в сфере онтологии метры непременно вступят в конфликт с ярдами, из которых парк также очевидным образом может состоять.

Похожим образом *лингвистический знак* представляет собой результат процедуры, в ходе которой делению на элементы подвергается вербальная («телесная») часть коммуникативного действия. Единицы, «нарезанные» при разбиении его вербальной составляющей, не могут иметь автономного «онтологического» значения, поскольку значение действия (т. е. помысленный коммуникантом эффект

воздействия) существует независимо от слов, жестов, рисунков и пр., как факт личного сознания, интенция к действию, мыслимый результат. Так, в желании сообщить об изменениях погоды нет ничего словесного, жестового, графического, как и в желании открыть окно, предупредить об опасности, сообщить какие-то «факты», и пр. Внутренний когнитивный процесс приобретает сколько-нибудь осязаемые формы после того, как коммуникант принял решение произвести воздействие на постороннее сознание (или на иное состояние своего собственного сознания, например представив его в будущем). Соответственно, в конкретной ситуации коммуникации желание сообщить о погоде выливается в изображение условных рисунков и цифр или в жестикуляцию, или в произнесение соответствующих вербальных клише, которые к тому же могут приобретать не только фонетическую, но и графическую форму, и пр.

Порожденная таким образом телесная часть коммуникативного действия вполне произвольно, в зависимости от целей предпринимаемой «анатомизации», разбивается на элементы: «Здесь почему-то на картинке и облако, и солнце, и дождь, ничего не понятно»; «А что ты на небо показываешь? Есть надежда на просветление?»; «Ничего себе [«ясно»], в крайнем случае [«ничего не ясно»]»; «Слово [дождь] пишется не так: на конце не [шь], а [ждь]»; «Ты здесь палочку у буквы [Д] очень странно нарисовал, получилось [А]», и пр. Ясно, что в приведенных примерах (если, конечно, представить их себе как эпизоды актуальной коммуникации) единицами для говорящего выступают, соответственно, нарисованные предметы, указательный жест, слово, фонетический и графический элемент слова, графический элемент буквы. При этом в каждом из этих случаев имеет место процесс приспособления элемента к целому, а целого к элементу, осуществляемый индивидуальным сознанием, которое видит перед собой определенную цель разбиения на знаки и владеет соответствующим инструментарием.

Оставляя в стороне жесты и картинки и рассматривая только вербальные знаки, наблюдатель убеждается, что «атом» словесной коммуникации в своем точном и последнем выражении ускользает от измерительной процедуры вследствие все той же произвольности назначения критериев. Задаваясь вопросом, является ли знаком звук, буква, палочка или завиток графемы, морфема, иероглиф, слово, сочетание слов, предложение, устный или написанный текст и пр., наблюдатель, доверившийся спонтанной концепции «знак—значение», приходит к выводу, что *любая* из этих предметных единиц может считаться знаком, поскольку как будто бы означает нечто, как, например, в предложении [Куда ты идешь?]. Так, во-первых, сказанное как будто понятно; во-вторых, состоит из дискретных единиц (которые можно даже изобразить); в-третьих, любая попытка изменить звуки, слова, их сочетания, целое предложение как будто приводит к изменению общей смысловой суммы.

Однако именно здесь следует констатировать торжество коммуникативной концепции вербального материала, ее полное и безоговорочное преимущество перед «знако-значенческой» концепцией в моделировании естественного вербального процесса, поскольку [Куда ты идешь?] *в действительности не означает ничего, если не рассматривается в составе коммуникативной синтагмы* (конкретного коммуникативного действия): сказанные сами по себе слова не имеют

смысла ни по отдельности, ни в совокупности; представляют собой набор неопределенных в своих границах, налагающихся друг на друга единиц; возможные оппозиции элементов не выстраиваются в общей аморфной бессмысленности, являются всецело произвольными (знак может оппозиционировать другому знаку, сочетанию знаков, отсутствию знаков, при этом множества «участников» оппозиций не ограничены ничем).

Иными словами, если неизвестно, кто, зачем, в отношении кого, в каких мыслимых условиях и прочее производил действие с использованием данных вербальных клише, то в самих звуках, буквах, словах и даже целом тексте смыслообразование отсутствует (оно, как уже было замечено, коммуникативно по своей природе, присутствует в индивидуальном сознании взаимодействующих участников коммуникативного пространства). То, ради чего говорящий (пишущий) мог потрудиться произнести [Куда ты идешь?], не может интерпретироваться в тождестве, поскольку коммуникативные параметры смыслообразования всегда конкретно мыслимы индивидуальным сознанием, которое определяет адресанта и адресата, объекты внимания и обсуждения, а также отношения между ними, позицию в возможной интеракции, обстоятельства совершения действия, фрейм отношений между коммуникантами и пр. Мнимая «понятность» слов [Куда ты идешь?] у русскоговорящего наблюдателя возникает только оттого, что данные вербальные клише уже были когда-то восприняты им в актуальных условиях и могут быть использованы им в актуальных условиях.

Пребывание вербальных клише в мыслимом пространстве коммуникативного действия, как уже было замечено, представляет собой *естественную форму существования вербального материала* и поэтому является обязательной составляющей его интерпретации. Подлинное знание «языка» состоит во владении способами вербального действия в сегментах коммуникативного пространства — от обыденных ([мне чашку кофе, пожалуйста]) до сугубо специфических (напр., [не бери этот мусор на хаях], [здесь ввернем преюдицию]). Знание коммуникативной типологии приобретает носителем «языка» с детства (практически) или путем различных дидактических приемов (теоретико-практически).

Иными словами, в типовой ситуации произносится фонетический комплекс, который обычно вызывает в сознании участников коммуникативного сообщества изменения, мыслимые говорящим, как, например, в случае, когда он принимает решение указать адресату на себя. Эта интенция (привлечь внимание к себе) универсальна для представителей различных культур и внутрикультурных сообществ. Поэтому в различных «языках» непременно присутствует вербальное клише, используемое в таких случаях ([я], [I], [ich], [je] и пр.). Переводить такие «слова» не составляет труда ввиду того, что рамочное для этих слов коммуникативное действие (передачей которого в тождестве озабочен переводчик) повсеместно распространено, фактически представляет собой «коммуникативную универсалию»¹⁸. Вследствие тождества коммуникативных синтагм различ-

¹⁸ См.: Vdovichenko A. V. From Relative Words to Universal Acts. The Limit in Studying «Language» // Proceedings of the 39th SLE (Societas Linguistica Europaea) Congress. Bremen, 2006. P. 32–33. URL: <http://www.fb10.uni-bremen.de/sle2006/pdf/Tagungsband.pdf>.

ные слова имеют одинаковое «значение». Усвоение «языка» как раз и состоит в овладении типологическими дискурсивными единицами коммуникации.

Ту же «историю» наблюдатель застает и в других случаях говорения и распознавания слов, каждое из которых само по себе известно говорящему как элемент мыслимой ситуации действия в типологических условиях и которое вводится в состав заново актуальной, необходимой ему коммуникативной синтагмы и по мере того приобретает смысл и новизну.

Изъятое из коммуникативной синтагмы слово (тем более звук, буква и пр.) невозможно рассматривать как единицу смыслообразования ввиду того, что у самой единицы нет основания, на котором зиждется здание смысла: в «автономном» слове нет личного когнитивного начала, источника мысли, отправной и конечной точки смыслообразования. Зато в естественных условиях любое слово, входя в состав коммуникативного действия, всегда стоит на этом основании — отсылает к когнитивному состоянию коммуниканта, которое понимается в ходе коммуникативной интеракции. Как нельзя понять камень или звездное небо (ввиду чуждости и неясности «внутренних мотиваций» собственного поведения этих «объектов»), так нельзя понять слово (тем более звук или морфему), пребывающие в состоянии автономного покоя, не вовлеченные в динамику личного коммуникативного действия. Как звездное небо и камень всего лишь «вписываются» в созданную коммуникантом схему с назначенными им функциями и получают, таким образом, «понимание» в рамках назначенной схемы, так слово не может быть понято само по себе, вне созданного коммуникантом пространства действия. Во всех случаях пониматься будут не поведение выделенных в сознании объектов (звездное небо, камень, слово), а сама процедура вписывания, практическая, развернутая к субъекту когниции, индивидуально мыслимая *схема моделирования реальности и действия в ней*. Порождение и интерпретация коммуникативного действия (не путать с внезапным внутренним мыслительным процессом) всегда обращены к установлению тождества когнитивных процедур и оценке их эффективности, а не к «вещам в себе».

Так, «элементарную» часть актуального высказывания (слово [«попытки»], см. выше, начало третьего абзаца настоящего раздела), изъятую из коммуникативной синтагмы (тем более звук или букву этого слова), невозможно рассматривать как «атом» смыслообразования, ввиду неопределенности его свойств. «Атом» не может быть разделенным и неопределенным в себе, указывая одновременно на единственное и множественное число, одновременно на именительный и родительный падеж, к тому же он не может фонетически совпадать с формой [попытке], и [по пытке] и пр. В этой мнимой «единице», взятой независимо от сознания автора высказывания, *собственное* значение отсутствует. Для «иностранца», не знающего «русского языка», данное вербальное клише вовсе представляет собой «пустой звук» ввиду отсутствия в его сознании хотя бы какой-то типологии коммуникативных действий с вовлечением данного фонетического комплекса. Заполнить это пустое место (бессмысленное само по себе [«попытки»]) способен только говорящий (пишущий), который производит коммуникативное действие, а также тот, кто пытается интерпретировать его, говорящего, когнитивное состояние на основе своих возможностей.

Для внутреннего размышления субъекту когниции не нужны «телесные» знаки. Предметы, явления, связи, а также цели и перспективы своего участия в ситуации он «видит» без участия знаков. Однако для воздействия на внешнего мыслимого адресата говорящему приходится прибегать к их посредству, по мере необходимости и желания совершить коммуникативное действие. При этом слова произносятся им не для того, чтобы продемонстрировать знание связанной с этим фонетическим элементом коммуникативной типологии (напр., «русского языка»), а для нового, актуального для него воздействия на мыслимое коммуникативное пространство с выделенными в нем адресатами, объектами, условиями и возможными способами такого воздействия. В отличие от бессодержательности слова, содержание коммуникативного действия (т. е. помысленная говорящим «иллокутивная сила» высказывания, или личная интенция действия) может вызывать к жизни различные знаковые формы и оцениваться самим говорящим в зависимости от того, насколько эффективной будет данная форма. Так, вместо приведенного слова [«попытки»] в составе данного действия можно представить употребление другого слова, например [«усилия»], или совсем другой фразы, например [«Поиски предельных, далее не расчленимых элементов» и т. д.], или слова другого «языка», в зависимости от определяемых параметров замысленного автором коммуникативного действия. Понятно, что без авторского замысла вся конструкция коммуникативного действия, в которую входит [«попытки»], не может возникнуть и иметь какой-то собственный, не-авторский, замысел и значение.

На фоне коммуникативного смыслообразования вербальный язык, постулированный как система упорядоченных смысло-формальных единиц (слов, букв, звуков, правил, составляющих специфическую морфологию, семантику, синтаксис и пр.), оказывается *мнемотехнической схемой*, имеющей сугубо утилитарное значение для постороннего (не вовлеченного в языковой коллектив) наблюдателя и совершенно не востребованной со стороны носителя-«информанта». «Родной язык» известен говорящему как *коммуникативная типология*, которая постепенно усваивается им с детства и постоянно расширяется в направлении различных сегментов осознаваемой реальности. Непосредственный участник языкового коллектива, даже если он получил специальные филологические знания, позволяющие ему идентифицировать и отличить именительный падеж от родительного, в живой коммуникативной практике никогда не пользуется этим знанием. Он не играет в игру «построй высказывания по грамматическим правилам», а делает гораздо более сложную и важную работу, осуществляя влияние на мыслимого адресата — с привлечением слов — в рамках параметрированных ситуаций. Наоборот, грамматические правила впоследствии создаются для тех, кто усвоил «по умолчанию» иную («инокультурную, иноязычную») типологию вербальных действий и по каким-то причинам желает овладеть чужой типологией. В таком случае специалистами-грамматистами предлагается описательная схема («грамматика языка»), позволяющая спроецировать собственное знание «родных» коммуникативных синтагм на инокультурные синтагмы («иностран- ный язык»). Без обнаружения невербальных оснований возможного тождества (например, общего «несловесного» желания китайца и русского открыть окно, и пр.) установление таких проекций было бы в принципе невозможно. При этом

понимание «иностранного языка» в любом случае будет пониманием конкретных коммуникативных действий конкретных говорящих, а не «общего поля» мысли и чувства, выраженных в «языке».

Отметить бессмысленность и бессодержательность «языка» тем более важно, что зачастую в рассуждениях о слове и смысле этот концепт («язык») выступает некоей формой одновременно знания, мышления и говорения, которая содержит в своих внешних границах и внутренних ячейках, тем самым упорядочивая и детерминируя различные элементы, включая «слова-значения». Необходимо иметь в виду меру условности этой мнемотехнической схемы и не рассчитывать на точность и эффективность системно-орудийно-биологической метафоры («язык») для достижения реалистичных результатов исследования вербальных данных. Так, невозможно изучать вспомогательную мнемотехническую схему и ее элементы, принимая их за свидетельства реальности или автономные «знаки реальности». Если реальность естественного вербального материала — это свободные осмысленные действия коммуникантов (а другие вербальные факты просто отсутствуют), то вне личных коммуникативных действий у элементов и всей «системы» нет и не может быть «чтойности» и самотождественности.

Нужно отметить, что в конечном счете причиной появления языковой модели естественного вербального процесса является приверженность древнему платоновскому «словомыслию»: вольный или невольный (сознательный или неосознанный) последователь условного Платона уверен, что у любого значения есть предметное выражение, материализованное в звуке, морфеме, корне, слове, сочетании слов и, наконец, в предложении. И наоборот, у любого телесного знака («имени») есть свое значение. На этой презумпции воздвигнуты как глобальные лингвистические концепты, такие как «язык», «эволюция языковой системы», «взаимодействие языков», так и более частные опыты построения теории в специализированных сегментах языкознания, таких как этимология, семантика, морфология и пр.

Так, несмотря на то что оперативный арсенал говорящего состоит из коммуникативных клише и ситуаций их использования, т. е. из известной говорящему коммуникативной типологии, в которой никоим образом не присутствует номенклатура привычных для грамматиста понятий и терминов («падежей», «склонений», «корней», «суффиксов», «гнезд» и пр.), тем не менее глубоко условная мнемотехническая схема «язык» зачастую узурпирует не подобающий ей статус, становится избыточно безусловным и избыточно онтологическим понятием, едва ли не «вещью». Грамматический «язык», некогда возникший как вспомогательный инструмент для обеспечения перехода с одной коммуникативной типологии на другую, более знакомую грамматисту (такой «переходник» необходим по преимуществу иностранцам), может всерьез, несмотря на свою вторичность и вспомогательность, рассматриваться в исследованиях как инструмент общения (механизм, система), воссоздаваться в конкретных грамматических и лексических формах («грамматика плюс словарь»), изучаться как источник сведений о нации, о сознании каждого из ее представителей, о внутреннем устройстве и организации социолингвистических сообществ, об интеллектуальном и эмоциональном профиле носителей, и пр.

Эта и подобные aberrации в конечном счете являются следствием непра-
вомерной онтологизации единиц, признания знаков реально существующими
смысло-формальными атомами, автономными носителями значений («зна-
ний»). Только из таких стабильных и твердых «блоков» можно составить апри-
орно введенный инструмент-механизм или предъявить его функциональные
части.

В то же время очевидная утилитарность выделения знаков, признание их
неспособности производить автономное смыслообразование, их несамосто-
ятельность вне конкретного коммуникативного действия служит хорошим по-
водом вспомнить об условности исследовательских моделей и концептов, соз-
даваемых для удобного ситуативного «схватывания» моделируемой реальности в
выделенных сегментах. Так, несмотря на мнотехническую и лингводидактиче-
скую пользу «языка» как систематизированного набора знаков (т. е. несмотря на
локальное торжество атомизирующего подхода), «языку» невозможно отказать в
полной бессмысленности и онтологической непригодности ввиду того, что его
принципиальная всеобщность означает столь же принципиальное отсутствие
личностного начала, т. е. отсутствие автора коммуникативного действия, кото-
рый является единственным и незаменимым источником смыслообразования в
вербальном материале.

Национальное и прочее знание. Вместо выводов

Язык как лингвистический объект и как традиционное именование единого
инструмента общения нередко мыслится *фактором создания* (возникновения)
идентичности в широком спектре научной гуманитарной и обыденной аргумен-
тации (языкознание, история, культурология, философия, социология, СМИ,
художественная литература, обыденное общение и пр.). «Говорить на каком-то
языке» часто означает (или понимается по умолчанию как) «мыслить специ-
фически», «иметь особые практики», «принадлежать к уникальной культуре». Если
предположить, что в хайдеггеровской метафоре «Язык есть дом Бытия»¹⁹ по-
зицию подлежащего занимает конкретный язык (а сделать это весьма просто и
даже необходимо в контексте рассуждений самого автора метафоры), то «образы
Бытия» будут идентифицироваться и подсчитываться по числу языков, соответ-
ствовать количеству существующих «домов». Говорящие на этих языках (они же
«обитатели домов Бытия») помещаются, таким образом, в более или менее зам-
кнутые резервации, очерченные их языковыми навыками.

Между тем современное состояние лингвистического знания, о котором
было сказано, дает шанс на менее масштабный языковой сепаратизм. По край-
ней мере фактор «языка» уже не выглядит столь безапелляционным и неотврати-
мым в деле форматирования сознания его носителей, воздвижения границ между
лингвокультурными сообществами, создания анклавов «единомышленников»,
говорящих на одном «языке», по образцу пресловутого «русского мира».

¹⁹ Хайдеггер М. Письма о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступле-
ния. М., 1993. С. 192.

Де факто языки никогда не воздвигали непреодолимых преград между искренне желающими вступить в коммуникацию, но теоретически, своего рода *де юре*, им полагалось быть резервуарами «духа народа», «сокровищницами» знания и культуры этноса, выражением идеальной картины мира нации («языковая картина мира») и вообще «особняками бытия» для живущих в них (говорящих на них). На этих высоко патриотичных, однако по сути архаичных и пещерных, идеях паразитирует — открыто или подспудно — гомогенная им националистическая риторика, черпающая нерушимое доказательство единства нации в очевидном факте единого национального «языка» — дома, резервуара, сокровищницы, души, идеальной матрицы национального сознания. Миф о роли языка в формировании идентичности, как и любой предрассудок, следует скорее преодолевать и развенчивать, чем полагать в основание методологических схем, в том числе академически ориентированных описаний, достигая тем самым пушей авторитетности самого мифа и пушей шаткости конструкции гуманитарного знания.

Как более специализированные (лингвистические и лингвофилософские) рассуждения, так и менее тяжеловесные жанровые зарисовки (см. выше) позволяют показать, что понятие «язык» неэффективно для моделирования процесса естественного говорения (письма) и не может играть прежней доминирующей роли в формировании идентичности, понимаемой как осознанное и признанное неким сообществом единство.

Как было отмечено, рамочной идеей, способной охватить тенденции переосмысления «языка» в описательных схемах, выступает *коммуникация* и личное *коммуникативное действие*. Для вербальных фактов, составляющих естественное говорение/письмо, эти понятия задают единственно возможную систему, в которой вербальный материал может быть корректно интерпретирован и описан.

Вследствие тотальной вовлеченности в коммуникативные ситуации, естественный вербальный материал всегда и непременно существует в связанном, дискурсивном состоянии. Элементы, выделяемые на различных уровнях анализа вербальной материи, имеют значение только как часть личного действия говорящего, который оказывает возможное, с его точки зрения, влияние на осмысленную ситуацию коммуникации. Иных источников смыслообразования, кроме сознания действующего коммуниканта, в материи слов не присутствует. В пространстве *мыслимой ситуации коммуникативного действия* говорящий (и затем следующий за ним интерпретант) выделяет объекты (дотоле не существовавшие *здесь и сейчас*, не выделенные из гомогенной панорамы, прежде не оформленные в «объект» и не развернутые в направлении данного коммуникативного действия), назначает связи, фиксирует внимание адресатов, подбирает вербальные клише, соизмеряя их с типологическими условиями их использования и возможными особенностями восприятия их адресатом, и пр. Конкретная коммуникативная синтагма, параметрированная говорящим, а затем интерпретатором, становится той единственной системой координат, в которой приобретают значение формальные элементы вербального процесса. В свою очередь, чтобы воссоздать значение изолированного элемента (способность слова «обозначать что-то» без «соединения или разъединения», согласно Аристотелю²⁰), необходи-

²⁰ Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения. Т. 2. М., 1978. С. 93.

мо воссоздать некоторую известную интерпретатору коммуникативную синтагму, в которой возможно употребление данного элемента (фонетического/графического комплекса). Порождаются и понимаются, таким образом, не слова, а многофакторные *коммуникативные действия*.

Коммуникативный подход к вербальным фактам ведет к признанию теоретической неэффективности понятия «язык» для многих (зачастую принципиальных) эпизодов. Поскольку смыслообразование является единственной причиной говорения/письма, то именно его невозможно добиться от лингвистического материала, лишенного субъекта, т. е. безличного, не вовлеченного в конкретную коммуникативную синтагму «слова». Выбирая между формой и содержанием, теоретик так или иначе вынужден исходить из критерия коммуникативного смыслопорождения.

Место формального «языка» в дискурсивной модели вербального процесса занимает *коммуникативная типология*, известная участнику коммуникации из опытов реализации коммуникативных действий в аутентичном (родном) сообществе. Она же является источником для создаваемой (если это зачем-то необходимо) грамматической матрицы. В этом смысле говорящему «на родном языке» известен не «язык», а *типология коммуникативных синтагм, или ситуаций* (охватить которую *неаутентичному* участнику лингвокультурного сообщества помогает грамматика, представляющая собой неточный, но в ряде случаев удобный инструмент мнемотехники; напротив, *аутентичному* участнику известны способы коммуникативного действия в сегментах лингвокультурного пространства, в т. ч. соответствующие вербальные модели реализации коммуникативных ситуаций, или клише, на основании которых потом и создается грамматическое — не нужное носителю языка — мнемотехническое описание).

В свою очередь, «письменный язык» (или «письмо») представляет собой один из модусов коммуникации, который опирается, безусловно, на фонетическую составляющую коммуникативного действия, производимого с использованием вербального канала. Письмо (и в целом графический способ представления данных) обладает множеством дополнительных возможностей коммуникативного воздействия и, наоборот, по необходимости лишается некоторых факторов, релевантных для не опосредованной графикой вербальной коммуникации. Орфография любого «языка», понимаемая в широком смысле, служит по преимуществу для моделирования вербальной составляющей коммуникативного действия. Для пушей полноты эффекта могут вводиться схемы, иллюстрации, рисунки, «смайлики», цветовые пятна, выделения, варьирование расположения текстовых блоков на носителе, и пр.

Вместе с тем графическая передача вербальной составляющей коммуникативного действия глубоко условна по своей сути. Написать [Барысава] (белорус.), [Борисово] (рус.) или Borisovo (интернац.) имеет исключительно инструментальное значение для воссоздания фонетического облика вербального клише, представляет собой как бы сделанный по условным правилам намек на фонетический облик, который «хранится» в сознании участника (ср. использование сокращений или знаков пунктуации).

В вопросах идентичности лингвокультурного коллектива переосмысление (или даже упразднение в прежнем статусе) понятия «язык», признание его мнемотехнической, утилитарной, но не онтологической ценности ведет к девальвации языкового фактора. Если язык представляет собой набор пустых несамостоятельных форм (ввиду безличности, бессмысленности и бессодержательности) и если эту пустоту способно заполнить только индивидуальное сознание — источник смыслов, содержания, значения, эмоций, ценностей (сознание параметризует коммуникативное пространство, определяет адресатов, создает объекты, формирует классы и виды, вводит критерии назначения множеств, строит связи, фокусирует внимание и пр.), приписывание нации (или иному лингвокультурному коллективу) некоей идентичности на основании пустых форм не корректно. «Носители русского языка» настолько различны между собой, насколько отличны, например, значения единообразного по форме [я] в актуальной коммуникации: ни один словарь, как ни странно, не даст подлинного значения для данного фонетического комплекса, абсолютно пустого и бессмысленного самого по себе вне актуальной коммуникативной синтагмы. В этой связи, тем, кто говорит на одном «языке», нельзя на этом основании приписывать единые идеи, базовые ценности или эмоции. Употребление одних и тех же слов необязательно означает присутствие одних и тех же «концептов» в сознании, и наоборот, употребление различных слов не означает обязательного присутствия различных «концептов». Форматирование сознания вербальными «отпечатками» (формирование «языковой картины мира») нельзя считать объективной данностью, несмотря на объективность («телесность» и определенность) вербальных форм. Границы сообществ (в т. ч. этнических) независимы от имеющихся языковых навыков. «Сокровищницы народного духа» с тем же основанием могут быть сочтены собранием народных заблуждений и предрассудков. Процессы понимания коммуникантов осуществляются в тождестве на основании мыслимых практик, далеких от «чистой» вербальности. Ценность самого «языка» (в т. ч. стремление к сохранению мнимо-самоценных вербальных форм) не имеет под собой достаточных (бытийственных) оснований. Истинная ценность, скорее, содержится в стремлении к позитивному взаимодействию, в котором вербальные формы сами по себе глубоко вторичны и утилитарны и в котором понимаются не слова, а целостные семиотические поступки. Интерпретация форм бескачественного «языка» помещается в перспективу межличностного взаимодействия, становится более свободной от детерминирующей систематики, более независимой от обманчивого единообразия вербальных форм. Хайдеггеровская метафора значительно корректируется и приобретает форму: «Осознанное бытие есть дом вербальной (и невербальной) коммуникации». Знать чужой язык означает владеть приблизительной мнемотехнической схемой вербальных практик в различных коммуникативных сферах, в то время как знание «родных» коммуникативных клише не нуждается в мнемотехнической матрице (письмо на родном «языке» представляет собой отдельную условную практику, построенную по своим правилам). Владение мнемотехнической схемой неидентично порождению и пониманию *конкретных коммуникативных действий*, интерпретация которых нуждается в целом комплексе несловесно мыслимых параметров.

Таким образом, поставленная в начале проблема субъективности («как возможно говорение, если тождество любого знания — “всеобщего”, “универсального”, “личностного”, “национального” и “культурно-специфического” — в индивидуальных сознаниях отсутствует?») разрешается в поле коммуникации: говорение (письмо) представляет собой не трансфер мыслей при отсутствующем твердом основании (знании), а целенаправленное воздействие в параметризованном коммуникативном пространстве, представленном сознанию в данный момент. Несамотождественность индивидуальных знаний (знания «языков» и отдельных вербальных клише, объектов, связей, момента коммуникации, позиции говорящего и адресата, когнитивных состояний и пр.) преодолевается в ходе коммуникативной процедуры, суть которой состоит в искомом воздействии: в зависимости от поставленных целей коммуникант может быть заинтересован найти «общее и единое», на основании которого в данный момент производится успешное воздействие; он может называть или всего лишь подразумевать это знание в момент совершения очередного семиотического поступка. Говорящий, в конце концов, добивается не полного тождества некоего знания, а согласия адресата принять его действие, «вместить» и одобрить коммуникативное воздействие.

Коммуникативное действие представляет собой новую теоретическую оболочку для интерпретации семиотических поступков (в т. ч. имеющих вербальную составляющую). Внутри этой оболочки (дискурса) работают собственные механизмы смыслопорождения, устанавливаемые ситуативно, индивидуально и целенаправленно. Актуальное смыслообразование возникает как помысленный эффект коммуникативного действия (со стороны коммуниканта) и как усвоение когнитивного состояния (со стороны прямого и косвенного адресата). В этих условиях изменяется и статус знания в его отношении к «слову».

Для иллюстрации изменения в представлениях о знании (в его отношении к вербальному процессу), пожалуй, будет уместным сослаться на концепцию Аристотеля, который, создавая логическую грамматику («аналитику»), некогда посчитал «подлежащим» то, что является общеизвестным, не вызывающим сомнения. Для Стагирита логическая пропозиция оказалась возможной как присоединение «сказуемого» к «подлежащему», которое (подлежащее) по умолчанию мыслилось тождественным и единым для всех (иначе, вне такой твердой основы, концепция логического высказывания утверждалась бы ни на чем) и даже своими свойствами задавало правильное или неправильное «сказуемое»²¹. «Подлежащее», таким образом, согласно Аристотелю, занимало в лингвистическом материале «место знания», «место тождества и единства», причем слова, сопрягаясь с «вторыми сущностями» (видами и классами вещей), как раз и маркировали собой «всеобщее и единое»: знание слова (которое могло исполнять роль подлежащего) теоретически означало некое тождественное знание.

Новое, неаристотелевское, понимание знания в его отношении к вербальному материалу приходит с акциональным (коммуникативным) видением вербального процесса: «подлежащее» высказывания, вопреки концепции Аристо-

²¹ Аристотель. Об истолковании. С. 138.

теля, представляет собой объект, выделенный и созданный говорящим, а также знак, наложенный говорящим на мыслимый объект в интересах эффективной коммуникации (этот знак, заметим, может быть не только словесный, но и жестовый, остенсивный, графический и пр.). Такой комплекс не может быть всеобщим и тождественно мыслимым всеми. Он порождается сознанием в личном коммуникативном процессе как одно из средств достижения успеха коммуникативного воздействия. Языковое аристотелевское «подлежащее» становится (оборачивается) коммуникативным «сказуемым»: оно тоже «сказывается» («преддицируется») коммуникантом, не существуя вне говорящего и вне данного акта.

В акциональной (дискурсивной) модели вербального факта область «подлежащего» («место знания») занимает скорее сама коммуникативная ситуация в каждый из ее моментов (дискурс). Ее, ситуацию, участники коммуникации действительно не могут подвергнуть какому-либо сомнению, отрицать, «по умолчанию не знать». Несмотря на то что дискурс неизбежно интерпретируется, стремление к успешности коммуникации заставляет говорящего искать в его рамках подлинное единство и тождество («знания»), общие и актуальные для участников коммуникативного взаимодействия. Коммуникация, таким образом, по своей природе стремится к тождеству и знанию, т. е. к согласию и эффективному взаимодействию.

Ключевые слова: знание, естественный вербальный процесс, язык, знак, знание языка, коммуникативное действие, дискурс, тождество, коммуникация.

THE PROBLEM OF SUBJECTIVITY OF KNOWLEDGE AND THE NATURAL VERBAL PROCESS

A. VDOVICHENKO

The paper deals with the problem of subjectivity of knowledge in relation to natural communicative, primarily verbal, process. In new theoretical conditions, such preceding formulae as «knowledge of language», «knowledge of signs», «knowledge of linguistic world picture» lose explanatory potential due to the following factors: obvious absence of self-identity of autonomous signs (including verbal signs); the absorption of language by communication; the incapability of language as to sense-generating; the ultimate non-verbal character of conceivable meanings. Personal act of communication comes to be a firmer theoretical basis for explaining the sense-generating process in the verbal fact because it is the individual consciousness of the communicant that serves as a source of thoughts, feelings, values, etc. The communicative nature of sense-generating allows us to separate the natural verbal fact from the idea (thought), as actional from non-actional. It also allows us to state that in the course of verbal communication, multiple-

factor communicative actions are generated and understood, not just verbal clichés. With this background, the discourse is determined dynamically as a communicative situation comprehended in each of its moments by a communicant/addressee. Despite the subjectivity of individual knowledge, communication represents the intention (desire) of individual consciousnesses to acquire identity with the aim of achieving successful interaction. The problem of subjectivity of individual knowledge (in its relation to the verbal fact) has a chance for solution only in the field of communication, not in the field of verbal (language) data itself.

Keywords: knowledge, natural verbal process, language, sign, knowledge of language, act of communication, discourse, identity, communication.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. (Философское наследие, 65). М., 1976–1983.
2. *Арутюнова Н. Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1973. Т. 32. Вып. 1. С. 84–89.
3. *Барт Р.* Смерть автора / Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
4. *Вдовиченко А. В.* Коммуникативное оправдание грамматики. К вопросу о пределах условности грамматического описания // Русский язык за рубежом. 2016. № 4. С. 78–84.
5. *Вдовиченко А. В.* Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.
6. *Витгенштейн Л.* Философские работы / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М., 1994. Ч. 2.
7. *Демьянков В. З.* Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. М.: ИНИОН АН СССР, 1981. С. 115–132.
8. *Демьянков В. З.* «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет (Обзор II) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1979. Т. 38. № 4. С. 368–380.
9. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: Опыт парадигмального анализа // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 144–238.
10. *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
11. *Остин Дж.* Избранное / Пер. с англ. В. П. Руднева. М., 1999. С. 15–138.
12. *Падучева Е. В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. 1977. № 8.
13. *Серль Дж.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151–169.
14. *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.
15. *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
16. *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 1.
17. *Baker A.* Presupposition and types of clause // Mind 65. 1956.
18. *Bateson G.* Steps to an Ecology of Mind. N.Y., 1972.
19. *Derrida J.* Positions. Paris: Editions de Minuit, 1972.
20. *Fillmore Ch.* The need for a frame semantics within linguistics. Statistical Methods in Linguistics. Stockholm, 1976. P. 5–29.
21. *Firbas J.* On defining the theme in functional sentence analysis // Travaux linguistiques de Prague. V. 1. Prague, 1966.

22. *Lakoff G.* Presuppositions and Relative Grammaticality // *Studies in Philosophical Linguistics*. V. 1. № 1. 1971.
23. *Lakoff G.* Linguistic gestalts // *Papers from the Thirteenth Regional Meeting*. Chicago Linguistic Society, April 14–16, 1977 / W. A. Beach, S. E. Fox, S. Philosoph, eds. Chicago; Illinois, 1977. P. 236–287.
24. *Minsky M.* A Framework for Representing Knowledge. (M. I. T., Artificial Intelligence Laboratory, AI Memo 306). Cambridge, 1974.
25. *Vdovichenko A. V.* From Relative Words to Universal Acts. The Limit in Studying «Language». Proceedings of the 39th SLE (Societas Linguistica Europaea) Congress, Bremen, 2006. P. 32–33. URL: <http://www.fb10.uni-bremen.de/sle2006/pdf/Tagungsband.pdf>.